

САМОИНДЕФИКАЦИЯ ПОЭТА В РАННЕЙ ЛИРИКЕ В. В. МАЯКОВСКОГО

Т. А. Журко (МГУ имени А. А. Кулешова)

Науч. рук. О. А. Лавшук,
канд. филол. наук, доцент

Личность В. В. Маяковского до сих пор недостаточно понятна как для исследователей – критиков и литературоведов, так и для читателей таланта этого поэта. Споры о значении его поэзии в русской литературе не утихают и по сей день: одни возвеличивают Маяковского, говоря о том, что он создал новый тип поэзии, разрушил рамки старого искусства и внес своеобразную «свежую струю» в литературу первой трети XX в.; другие же заявляют, что Маяковский был продажным поэтом, служакой у руководителей Советского государства, и с большим сомнением называют его поэзию поэзией [2]. Тем не менее все сходится в одном: личность Маяковского, его творчество, его стихи были неоднозначны и очень противоречивы.

Для В. В. Маяковского, конечно, было необычайно важно его творчество, он не мог не думать о своем месте в жизни, о том, ради чего он писал. В разное время тема поэта и поэзии находила в лирике Маяковского разное выражение. В раннем творчестве прослеживается тенденция близости к футуристам, и задача поэзии для Маяковского в то время – это создание новых форм, самоценность средств выражения, конструктивность восприятия мира и – во многом – эпатаж и игра, противопоставление себя окружающему миру. Уже расходясь с идейно-формальными установками футуризма, чувствуя тесноту рамок одного направления для выражения своего таланта, Маяковский чувствует в себе мощь трибуна, борца за переустройство мира. Он бросает вызов обществу, считая невозможным для поэта молчать в то время.

Поэт В. Маяковский предстает в образе титана, наделенного всечеловеческим чувствованием мира. Он – *«весь боль и ушиб»* – завещает читателю «сад фруктовый» своей «великой души» («Ко всему», 1916) [1]. В дореволюционный период в лирике Маяковского образ Поэта выстраивается на основе антиномичного сочетания внешней формы, грубой, громадной, неуклюжей, и внутреннего содержания – тонкой, чувствительной, кровоточащей души. Поэтому *«грубый гунн»* («Нате», 1913), исполин (*«...какими Голиафами я зачат»*), «Себе, любимому, посвящает эти строки автор», 1916) чутко реагирует на диссонансы окружающего мира, поэтому именно его душа видится *«ключьями порванной тучи / в выжженном небе / на ржавом кресте колокольни!»* («Я», 1913). Огромность физическая и духовная Поэта оказывается уязвима перед равнодушием и нелюбовью – он *«такой большой / и такой ненужный»* («Себе, любимому.»), вот почему *«зелистая громадина... стонет, корчится»* («Облако в штанах»).

Литература

1. **Маяковский, В. В.** Лирика / В. В. Маяковский. – Москва : Советская Россия, 1984. – 240 с.
2. **Алехин, А.** Из века в век (Субъективные заметки о десятилетии русской поэзии) / А. Алехин // Вопросы литературы. – 2004. – № 6. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://voplit.ru/article/iz-veka-v-vek-subektivnye-zametki-o-desyatiletii-russkoj-poezii>. – Дата доступа: 29. 03.2021.